

ПАРНЫЕ ЭПИТЕТЫ В ПОЗДНИХ ПОВЕСТЯХ Л. ТОЛСТОГО

Стаття присвячена виділенню закономірностей функціонування парних епітетів в повістях «Холстомер», «Смерть Івана Ільїча», «Крейцерова соната». Парні епітети важливі для розвитку мотивів повістей, а також при створенні відстороненого сприйняття персонажів. Парні епітети — економний засіб в описі персонажів і створенні емпатичної картини світу Л. Толстого, притаманній повістям пізнього періоду творчості письменника.

Ключові слова: відсторонення, парні епітети, трійчатки епітетів, епітети, епітетні структури, епітетні ланцюжки, Л. Толстой.

Статья посвящена выделению закономерностей функционирования парных эпитетов в повестях «Холстомер», «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова соната». Парные эпитеты являются значимыми в развитии мотивов повестей, а также в создании отстраненного восприятия персонажей. Парные эпитеты являются экономным средством в описании персонажей и создании эмпатической картины мира Л. Толстого, характерной для повестей позднего периода творчества писателя.

Ключевые слова: остранение, парные эпитеты, тройчатка эпитетов, эпитеты, эпитетные структуры, эпитетные цепочки, Л. Толстой.

The article deals with the research of the peculiarity of epithets functions of the pairs of functions in the narratives «Kholstomer», «The death of Ivan Ilyich» and «Kreutzer sonata». The pairs of epithets are significant in the developing of motifs in the narratives. The pairs of epithets allow generating laconic description of the characters and the creation of emphatic pattern of the world of L. Tolstoy, which is peculiar to the narratives of the writer of the latest period.

Key words: pairs of epithets, epithet triads, epithets, epithet structures, chains of epithets, L. Tolstoy.

Актуальной проблемой в современном толстоведении является изучение поэтической системы художественной прозы Л. Толстого позднего периода (1880—1905 гг.). Интерес к исследованию поэтических особенностей литературно-художественных произведений Л. Толстого (1880—1910 гг.) не угасает в последние десятилетия. Так, с появлением в 2000—2011 гг. диссертаций по изучению закономерностей поэтики поздней прозы Л. Толстого [7], художественной философии и поэтики [6], особенностей художественной антропологии [1], антиномии духовного и плотского в художественном творчестве Л. Толстого [5; 8] формируются новые подходы и методы в исследовании поздней художественной прозы писателя. Нередко в качестве доказательств гипотез исследователями-толстооведами привлекается эпитетный материал, используются примеры функционирования эпитетов. Например, О. Матич при изучении мотива эротичного в творчестве Л. Толстого указывает на особенности функционирования эпитета *«распластанный»*:

«Эпитет, при помощи которого он описывает труп женщины — «распластанный», — напоминает нигилистскую метафору распластанной лягушки, провозглашенную Дмитрием Писаревым символом спасения и обновления русского народа» [8]. Таким образом, О. Матич выделяет особенную, свойственную Л. Толстому выразительность эпитетов, выявляет мифологическое содержание эпитетов в системе создания мотива эротики и сексуальности в романе Л. Толстого «Анна Каренина». Авторитетными и чрезвычайно значимыми в библиографии по изучению художественного творчества Л. Толстого являются работы, в которых предприняты попытки определения частных символических [10], эстетических и морфологических [2], а также социально-философских [14] особенностей поэтики повестей «Смерть Ивана Ильича» (1885—1889) и «Крейцера соната» (1887—1889). Название, тематические и идейные особенности повести «Смерть Ивана Ильича» стали определяющими факторами для исследования символической тематики «света—тьмы», жизни и смерти в статье Н. Переверзевой. Используя в качестве иллюстративного материала эпитеты «*черный*» и «*белый*», Н. Переверзева приходит к выводу: «реалистические детали и образы, подготавливающие «свет» как центральный символ повести, — свечи, горящие у гроба и карточного стола, черно-белое решение цветовой гаммы — являются еще и образами-напоминаниями об истинных возможностях человека, об истинном его предназначении» [10, 89]. Так, Н. Переверзевой формируется материал, на котором выстраивается гипотеза создания символического в повести Л. Толстого. М. Щеглов, анализируя особенности характеристики «*приятным и приличным*» в повести «Смерть Ивана Ильича», выделяет их социально-философский смысл в описании персонажа. По мысли М. Щеглова, Иван Ильич самостоятельно стремится «заключить свою жизнь, все ее проявления в рамки «приятного и приличного», то есть того, что общество считает «приятным и приличным». Но столь же постоянно и с нарастающей интенсивностью раскрывается содержание этой миловидной двуединой формулы, этого символа веры людей того же образа жизни, что и у Ивана Ильича, — распущенность, эгоизм, самоуслаждение, равнодушие к нуждам людей, животность во всем» [14]. Выявление функционирования эпитетов «*приятным и приличным*» в повести «Смерть Ивана Ильича» ограничивается комментарием М. Щеглова социально-философского характера. Парные эпитеты рассматриваются как абсолютная «двуединая формула», свойственная повестям Л. Толстого позднего периода. Таким образом, Н. Переверзевой и М. Щегловым были предприняты попытки определить основные закономерности поэтики повести «Смерть Ивана Ильича». Эпитеты «*черный*», «*белый*», «*приятным и приличным*», как значимые составляющие сюжетно-композиционной организации повести, оказались чрезвычайно продуктивными в выделении особенностей символического и социально-философского содержания повести «Смерть Ивана Ильича». Однако сделанные попытки по выявлению специфики функционирования эпитетных структур, оказались не полными, поскольку не содержат комплексного исследования формальных и структурных характеристик эпитетов.

В современном толстоведении актуальным остается изучение формальных и структурных особенностей эпитетов и их эволюции в сюжетно-композиционной системе литературно-художественного произведения. Авторитетными в определении структурных типов эпитетов являются исследования «парных эпитетов» А. Потехни [11], «парных эпитетов» и «цепочек эпитетов» А. Веселовского [3], современных в эпите-

тологии изучений «парных эпитетов», «тройчаток эпитетов» и «эпитетных цепочек» В. Москвина [9].

Парные эпитеты — эпитетные структуры, в которых при одном определяемом находятся два определяющих — интенсивно функционируют в экспозиции повестей 1885—1889 гг. Л. Толстого. Интенсивность функционирования парных эпитетов в разных сюжетно-композиционных частях повестей позднего периода творчества Л. Толстого — неустойчивая (см. Рис. 1). Так, в повести «Холстомер» (1885—1889) в начале повествования отсутствует описание пространственно-временных условий жизни персонажей через призму восприятия деталей окружающего природного мира, свойственных художественной прозе Л. Толстого позднего периода. Экспозиция расширена описанием природы, что обусловлено замыслом и идейно-тематическими особенностями: *«Всё выше и выше поднималось небо, шире расплывалась заря, белее становилось матовое серебро росы, безжизненнее становился серп месяца, звучнее — лес, люди начинали подниматься, и на барском конном дворе чаще и чаще слышалось фырканье, возня по соломе и даже сердитое визгливое ржанье столпившихся и повздоривших за что-то лошадей»* [12, 3]. Структура эпитетов постепенно расширяется. Активно функционируют парные эпитеты с повторяющимися определениями: *«Всё выше и выше»*, *«чаще и чаще»*. В классификации эпитетов А. Веселовский парные эпитеты с повторяющимися определениями относит к разновидности эпитетов «однозначных или близких по значению ... подобные дублеты — древние, простейшее выражение плеоназма» [3, 69].

□

Количественное соотношение парных эпитетов

Рис 1. Количественное соотношение парных эпитетов в экспозиции повестей «Холстомер», «Смерть Ивана Ильича», «Крейцерова соната».

А. Веселовский в качестве примера приводит следующие эпитетные структуры: «черным черно», «Широким широкая, А глубоким глубокая» [3, 69]. А. Веселовский объясняет наличие таких эпитетов в старофранцузском эпосе требованием стиха. В повести Л. Толстого «Холстомер» парные эпитеты с повторяющимися определениями

способствуют выражению текучести изображения и динамики развития повествования, а также созданию ритмического восприятия описания. Парные эпитеты, совмещающие разностороннее описание («*сердитое визгливое*», «*столпившихся и повздоривших за что-то*»), в классификации А. Веселовского определяются как «несколько определенных, дополняющих друг друга» [3, 69].

Парные эпитеты являются не только носителем определенного ритма повествования в повести «Холстомер», но и являются значимыми в создании остранинного восприятия. По мысли В. Шкловского, в повести «Холстомер» эффект остранения создается благодаря общим законам особого восприятия, свойственного Л. Толстому: «Методом остранения пользовался Толстой постоянно: в одном из случаев («Холстомер») рассказ ведется от лица лошади, и вещи остранены не нашим, а лошадиным их восприятием» [13, 64]. Так, В. Шкловский определял общую специфику остранения в повести «Холстомер». Остраненное изображение воплощается в семантике парных эпитетов «*сердитое визгливое ржание*» и «*столпившихся и повздоривших за что-то лошадей*». Эффект остраненного восприятия создается в результате уподобления животного человеку. В этом случае в повести в результате уподобления эффект остранения проявляется менее интенсивно. Так, парные эпитеты значимы в создании эмфатической картины восприятия пространственно-временных особенностей повествования в литературно-художественном произведении «Холстомер».

Если в повести «Холстомер» уподобление животного человеку вынесено в экспозицию и выражено в парных эпитетах, то в повести «Крейцера соната» (1887—1889), более поздней по хронологии написания, мотив уподобления мужчины женщине и наоборот содержится в кульминации повести: «*лицо пошло-хорошенькое, то, что женицны называют недурен, сложения слабого, хотя и не уродливо, с особенно развитым задом, как у женицны*» [12, 49]. Эпитетная структура «*с особенно развитым задом, как у женицны*» является экономной характеристикой в определении процесса уподобления мужчины женщине и содержит эротические элементы изображения. В повести «Крейцера соната» уподобление мужчины женщине в литературно-художественном произведении Л. Толстого «Крейцера соната» происходит благодаря внешним признакам: переодетого мужчину Позднышев воспринимает как «*женицну с бородой*», а на самом деле это «*мужчина декольте в женском платье*»: «*Я ходил раз в Париже по всем, зрелищам и зашел смотреть по вывеске женицну с бородой и водяную собаку. Оказалось, что это было больше ничего, как мужчина декольте в женском платье, и собака, засунутая в моржовую кожу и плавающая в ванне с водой*» [12, 28]. Остраненное восприятие персонажа выявляет характер неестественности ситуации. Однако в этом случае в гендерном уподоблении не функционируют парные эпитеты. Описание и оценка взаимоотношения супругов в современном обществе выражается в парных эпитетах. Например, женщина — «*не какая нибудь, а женицна, как сладкое нечто*», «*чудо как умна и нравственна*», а после вступления в брак «*жена была чадолубива и легковерна*», «*раскормленная запряженная лошадь, с которой сняли узду*» [12].

Достаточно противоречиво оценивается мужчина в повести «Крейцера соната»: «*глупый, ревнивый муж*», «*с огаженным и ревностью и всякой злостью мужем*» [12]. Острая критика сосуществования супругов Л. Толстым обнаруживается в характеристиках персонажей. Достаточно резкой является оценка женицны, которая не кормит

грудью: в речи Позднышева она похожа на лошадь — *«раскормленная запряженная лошадь, с которой сняли узду»* [12, 47].

В повести Л. Толстого «Крейцера соната» (1887—1889) количество парных эпитетов колеблется в разных структурно-композиционных частях (см. Рис. 1). Если в повести «Холстомер» в начале повествования природные явления подвергнуты развернутой характеристике, то в повести «Крейцера соната» Л. Толстого время подробно не описывается (*«Это было ранней весной»*). В начале повествования повести особое внимание уделяется персонажам: *«некрасивая и немолодая дама, курящая, с измученным лицом, в полумужском пальто и шапочке, ее знакомый, разговорчивый человек лет сорока, с аккуратными новыми вещами, и еще державшийся особняком небольшого роста господин с порывистыми движениями, еще не старый, но с очевидно преждевременно поседевшими курчавыми волосами и с необыкновенно блестящими глазами, быстро перебежавшими с предмета на предмет»* [12, 7]. В экспозиции повести активно функционируют парные эпитеты развернутой структуры: парные эпитеты, содержащие составной эпитет: *«куращая, с измученным лицом»*; парные эпитеты «дополняющие друг друга» *«некрасивая и немолодая»* и сходны по эмоционально-экспрессивному содержанию — *«аккуратными новыми вещами»*, парные эпитеты в структуре эпитетных цепочек — *«некрасивая и немолодая дама, курящая, с измученным лицом, в полумужском пальто и шапочке»* и тройчаток эпитетов — *«необыкновенно блестящими глазами, быстро перебежавшими с предмета на предмет»*.

В экспозиции повести «Смерть Ивана Ильича» (1885—1889) исключается наличие описания деталей окружающей природной среды. Внимание читателя сфокусировано на особенностях существования должностных лиц: *«В большом здании судебных учреждений во время перерыва заседания по делу Мельвинских члены и прокурор сошлись в кабинете Ивана Егоровича Шебек, и зашел разговор о знаменитом красовском деле»* [12, 61]. В повествовании подчеркнута занятость и деловитость обстановки, искусственной, созданной человеком (*«большом здании», «судебных учреждений»*) и благоприятной для служебной деятельности (*«разговор о знаменитом красовском деле»*) персонажей Ивана Егоровича Шебека, Федора Васильевича, Петра Ивановича. Эпитетные структуры практически отсутствуют в начале повествования, логические определения *«большом здании», «судебных учреждений»* и *«знаменитом красовском деле»* способствуют созданию лаконичности повествования, сводят к минимуму образность изображения. Постепенно вводятся парные эпитеты в описании предметов искусственной среды чиновников. Например, в описании бытовой детали газеты (*«свежий, пахучий еще номер»*) [12, 61]) парные эпитеты *«свежий, пахучий еще»* — значимые в характеристике отлаженности работы в создании благоприятной атмосферы службы чиновников.

Специфическим представляются расположение парных эпитетов и их формальные характеристики. При анализе эпитетных структур часто с поля зрения ускользает изучение позиционных характеристик эпитетных структур, а также расширение и сужение их форм. Так, интенсивнее встречается контактное расположение парных эпитетов в повести «Крейцера соната» — *«своей красивой доброй улыбкой»: «И она улыбнулась своей красивой доброй улыбкой»* [12, с. 31]. Прямой порядок в структуре парных эпитетов часто нарушается, например в эпитетной структуре — *«порядочный человек, хотя и упавший»* [12, с. 31]. Сужение структуры парных эпитетов в повести «Холстомер» интенсив-

но встречается в описании состояния персонажа, например в парном эпитете *«серьезно и задумчиво»*: *«Неизвестно, какой вкус находил в этом пегий мерин, но выражение его было серьезно и задумчиво, когда он это делал»* [12, с. 4]. Расширение структуры парных эпитетов осуществляется за счет дополнительных определений, или определений, усугубляющих степень проявления признака в эпитете (*«тяжело, тяжело вздохнул»*).

В повести «Смерть Ивана Ильича» структура парных эпитетов расширяется в тройчатку эпитетов: *«С самого начала болезни, с того времени, как Иван Ильич в первый раз поехал к доктору, его жизнь разделилась на два противоположные настроения, сменявшие одно другое: то было отчаяние и ожидание непонятной и ужасной смерти, ... то была одна непонятная ужасная смерть, от которой ничем нельзя избавиться»* [12, 107—108]. Развертывание структур парных эпитетов осуществляется в результате присоединения составного эпитета *«от которой ничем нельзя избавиться»*, детализирующего описание.

В ряду разновидностей эпитетов мало уделяется внимание семантическим критериям классификаций отдельных эпитетных структур — парных эпитетов, эпитетных тройчаток, цепочек эпитетов. Поэтому следует выделить разновидности парных эпитетов по семантическому критерию, которые интенсивно функционируют в повестях «Холстомер», «Смерть Ивана Ильича» и «Крейцера соната». Оксюморонные парные эпитеты активно функционируют в развязке повести «Холстомер»: *«Бывает старость величественная, бывает гадкая, бывает жалкая старость. Бывает и гадкая и величественная вместе»* [12, 7]; *«Все лошади — молодые и старые, с оскаленными зубами бегали за меринком, гоняя его по двору, раздавались звуки копыт об его худые бока и тяжелое кряхтение»* [12, 13]. Менее распространены оксюморонные парные эпитеты в повести «Крейцера соната» — *«начатый и оборванный смех»* [12, 7].

Определения в составе парных эпитетов не всегда противопоставляются и могут быть близки по эмоциональному и семантическому содержанию. Такие парные эпитеты распространены в повести «Смерть Ивана Ильича»: *«легкое и приятное положение»* [12, 70], *«легко и приятно»* [12, 74], *«приятно и прилично»* [12, 76] и являются основными формулами жизни главного героя повести.

Аллитерационные парные эпитеты: в повести «Холстомер» активно участвуют в описании табунщика — *«еще ГРОмче и ГРОзнее закричал табунщик»* [12, 3], или в описании лошадей *«Караковая хоЛоСтая Ласточка, как аТЛАСная, гЛадкая и блеСтящая шерСТью»* [12, 8—9]; в повести «Смерть Ивана Ильича» функционируют в финале повести — *«НЕвидимая НЕпреодолимая сила»* [12, 112], *«ПРЕжнего ПРИвычного страха»* [12, 113]. В структуре парных эпитетов звуковые повторы могут быть в начале определения (анафоричны) — *«еще громче и грознее», «невидимая непреодолимая», «прежнего привычного»*. Также крайне редко звуковые повторы в середине определений — *«Караковая холостая Ласточка, как атласная, гладкая и блестящая шерстью»*.

Также следует выделить некоторые структурные модификации парных эпитетов. Например, парные эпитеты с повторяющимися определениями. В повести «Холстомер» парные эпитеты с повторяющимися определениями интенсивно функционируют в начале повествования *«Всё выше и выше»* [12, 3], *«чаще и чаще»* [12, 3], а также часто встречаются в кульминации и развязке повести — *«тяжело, тяжело вздохнул»* [12, 3].

В повести «Смерть Ивана Ильича» достаточно активны парные эпитеты с повторяющимися определениями в финале повести — «*чернее и чернее*», «*быстрее и быстрее*» [12, 109], «*ближе и ближе становился*» [112]. В повести «Крейцера соната», более поздней по хронологии написания, в начале повествования: «*Поезд, двигаясь всё быстрее и быстрее*» [12, 9]. Парные эпитеты в сравнительной степени способствуют созданию динамичной картины повествования, благодаря им выделяется текучесть и процессуальность признака: «*Всё выше и выше*», «*чаще и чаще*»; «*чернее и чернее*», «*быстрее и быстрее*», «*ближе и ближе*».

Современная эпитетология Л. Толстого нуждается в оформлении статистического описания эпитетной системы художественных произведений Л. Толстого. Исследование структурных особенностей эпитетов требует скрупулезности и точности систематизации. Описания, в которых функционируют эпитеты определенной структуры, лаконичны и последовательны. Благодаря заключению характеристики персонажа в двуединую формулу парных эпитетов выкристаллизовывается понятие о собственно толстовской манере изображения и восприятия. Парные эпитеты являются значимыми в создании мотива уподобления в повестях «Холстомер» и «Крейцера соната», а парные эпитеты с повторяющимися определениями способствуют выражению текучести изображения и динамики развития повествования, а также созданию ритмического восприятия описания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянин М. Ю. Художественная антропология позднего Л. Н. Толстого: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10. 01. 01 «Русская литература» / Белянин Михаил Юрьевич. — Липецк, 2007. — 193 с. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennaya-antropologiya-pozdnego-ln-tolstogo>
2. Берегова Т. И. О градации именного качества в повести Л. Н. Толстого «Крейцера соната» // Особенности языка и стиля Л. Н. Толстого [Межвузовский сборник научных трудов]. — Тула, 1990. — 48—53 с.
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. / А. Н. Веселовский. — М. : Высшая школа, 1989. — 405 с.
4. Жирмунский В. М. Задачи поэтики / В. М. Жирмунский // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Ленинград : Наука, 1977. — 404 с.
5. Кешишев А. Г. Антиномия духовного и плотского в художественном творчестве Л. Н. Толстого 1880—1890-х годов: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10. 01. 01 «Русская литература» / Кешишев Артем Георгиевич. — Армавир, 2010. — 165 с. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/antinomiya-dukhovnogo-i-plotского-v-khudozhestvennom-tvorchestve-ln-tolstogo-1880-kh-1890-kh>
6. Кочешкова Л. Е. Художественная философия и поэтика «малой прозы» Л. Н. Толстого в свете проблемы целостности: от повести «Казак» к рассказу «Алеша Горшок»: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10. 01. 01 «Русская литература» / Кочешкова Любовь Евгеньевна. — Санкт-Петербург, 2005. — 193 с. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennaya-filosofiya-i-poetica-maloi-prozy-ln-tolstogo-v-svete-problemy-tselostnosti>

7. Ломакина С. А. Поэтика поздней прозы Л. Н. Толстого: Повести и рассказы 1885—1902 годов: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10. 01. 01 «Русская литература» / Ломакина Светлана Александровна. — Елец, 2000. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/poetika-pozdnei-prozy-l-n-tolstogo-povesti-i-rasskazy-1885-1902-godov>.

8. Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siecle в России / Ольга Матич [Авторизованный пер. с английского Елены Островской] — М. : Новое литературное обозрение, 2008. — 400 с., ил.

9. Москвин В. П. Эпитет как предмет теоретического осмысления / Василий Москвин // Сучасні проблеми епітетології. — 2011 — Вип. 1. — 167 с.

10. Переверзева Н. А. Поэтика художественного символа в повестях Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» и «Крейцера соната» / Н. А. Переверзева // Идеино-эстетическая функция изобразительных средств в русской литературе XIX века. — М. : МГПИ, 1985. — 167 с.

11. Потехина А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потехина. — М. : Высшая школа, 1990. — 344 с.

12. Толстой Л. Н. Собр. соч. в 90 т. / Толстой, Лев Николаевич — М. : Художественная литература, 1935 — 1958.

13. Шкловский В. Б. Искусство как прием // Шкловский В. Гамбургский счет. — М.: Сов. писатель, 1990. — С. 58-72.

14. Щеглов М. Любите людей: Статьи. Дневники. Письма. — М.: Советский писатель, 1987. — 512 с. — Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/304316/read>